

Н. И. ЖУКОВСКИЙ

Реформы и революция

<...> Благодаря трудам людей, которым историческая правда дороже чина *статского советника*, русское общество узнало, что Стеньку Разина, которого проклинали звонкие голоса соборных протодиаконов, можно назвать как следует Степаном Тимофеевичем; узнало оно, что Степан Разин не простой какой-нибудь вор-разбойник, а выразитель воли народной, мститель за великое горе народное, представитель-защитник того именно бытового строя народной жизни, который попоран татарско-византийской Москвой и осмеян генералами от Всероссийской Истории. Узнало русское общество, что до «на крови стоящей» Москвы были на Руси народоправства северные, была Сеча запорожская; была безкняжеская гражданственность, поступившаяся своим правом, лишившаяся возможности естественного развития только после продолжительной, кровавой борьбы.

В то время как Москва отличалась повальным грубым невежеством, опричиной, кнутом да попом, в Новгороде Великом уже сложилась северо-славянская культура, завелась грамотность, народилась словесность народная, завелись художники, создались деловые сношения с западом не по рескрипту какого-нибудь реформатора, а с почину самих граждан республики, между которыми появились и ереси, соответственные европейскому предреформационному движению. Рядом с северными народоправствами развивались белорусские и малорусские муниципии, создавались мещанские братства с оттенком социального равенства, росла европейско-русская цивилизация с ремеслами и художествами, с общественными школами, типографиями

и зачатками, церковной реформации. За порогами днепровскими сложилась славная Сеча¹; окруженная врагами со всех сторон, она естественным образом должна была организоваться в общество преимущественно воинское, но выросла Сеча в силу экономических народных требований, и Герцен справедливо назвал ее социально-демократической республикой.

Эта историческая правда только недавно сделалась достоянием всякого русского подданного, умеющего и желающего читать, а правда о временах, более близких к интересам ныне царствующих боковых отростков выродившегося дома Романовых, все еще покрыта, если не мраком, то полутьмою. О неистовствах любовника какой-нибудь расслабленной Анны, о регентстве Бирона, этого праотца всех полицеймейстеров из остзейских дворян; о странностях великой шалуньи Екатерины, о том, как она чуть не половину империи закрепостила в руки легиона своих любовников — говорить можно; самодурства Павла можно избражать; двенадцатый год можно разбирать; но о «незабвенном» герое Устрялова, о Николае надо уже говорить с большой осторожностью, а до «царя освободителя, выступившего за русский предел», нельзя и стороной коснуться, не рискуя пойти вдоль по каторге. Вот почему, кроме пугачевского бунта, этого крупного факта жизни восточной Руси, мы знаем так мало подробностей о борьбе, которую Русь бытовая, народная вела с Россией официальной в ближайшие к нам времена.

Много защитников воли народной загублено московскими палачами, но едва ли не больше мученических истязаний и смертей пришлось принять им от палачей с пуклями, косами, пудрой, фалдами, штиблетами и другими принадлежностями полицейской цивилизации, пересаженной Петром на болотистую петербургскую почву.

Не повезло народу от петровской реформы; не везло ему и ни от чьих реформ. Кому была реформа, а ему все приходилась на долю нищета да плеть с розгой. И кто только ни занимался этими реформами? Иван IV, Борис, Петр, Екатерина, Александр I, Николай I, Александр II — все реформировали эту бедную Россию. Один повернет ее по-татарски, заведет рванье ноздрей или кабалу; другой — перевернет ее по-голландски, настроит лодок, заведет потешных, господ обреет; а всегда выйдет непременно так, что с мужика больше потребуется налогов — одному барину становится легче.

Но и барин на Руси пользуется привилегией не быть высеченным только до тех пор, пока не вздумает царь посечь и привилегированного обывателя своей широкой империи.

Вешали, расстреливали, беспощадно секли и ссекут даже и бар на Руси. За что же? За отщепенство, за протест против произвола, за заявление прав человеческих, за одну только словом выраженную мысль о воле народной!

Поборники воли человеческой, которые борются против непроглядной тьмы русского царства, давно уже один за другим идут на плаху, на виселицу, в каторгу. — Рядом с Россией истязующей и секущей живет Россия протеста, Россия умственного движения.

* * *

Французская революция прошлого века отозвалась и в России; результатом ее явились у нас Декабристы.

Александр I, вообразивший себя либералом, занялся *реформами*, но завел только министерства и Аракчеева с военными поселениями; Декабристы же принесли из Парижа мысль о «правах человека», о конституции, об освобождении крестьян, о республике! Николай восстановил смертную казнь, поставил виселицу, убил Пестеля, Бестужева, Каховского, Муравьева, Рылеева, но мысли их остались, выросли, развились, стали русскими — каторга, ссылки, розги не искоренили семя правды.

Герцен, Огарев, Бакунин, Грановский, Белинский хранили традицию Декабристов; революционная мысль развивалась, принимая новые формы, пополняясь сообразно разработке революционного вопроса на Западе.

Одной рукой Николай давил мысль, ссылал Герцена, Полежаева, Петрашевцев, а другой тоже *реформы* делал. Тупоумный и безжалостный, этот император-вахмистр занимался больше военными кантонистами да драгунскими полками. Министерство государственных имуществ, главное из созданных им учреждений, дало волостным старшинам галуны, а мужикам казенным новый легион обирателей, не ослабивших деятельности уже заведенных — становых, исправников и всех возможных чиновников обыкновенных и особенных поручений, им же несть числа. *Православие, самодержавие, народность* — жили сами по себе в воображении царя, а *порки, грабеж и откуп* отзывались реальным образом на спинах и кошнях его подданных. Стоном стонал народ по всей земле, а царь забавлялся бессмысленным своим

девизом и только под конец жизни понял, что все Бенкендорфы, все православные и все лютеранские церберы самодержавия обокрали кругом его царскую казну! Пристыженный крымским погромом, Николай приказал, говорят, отравить себя. Начал казнью — кончил позором. Перепуганный, врасплох захваченный Александр не знал, что делать. Неловко было ему разом поправить батюшкину глупость заключением мира. Он собрал ополчение, ввел в расход и дворянство, и купечество, и крестьянство, сдал «неприступный» Севастополь² и принялся за *реформы*.

Цензурные послабления дали возможность прессе говорить с некоторой свободой, и вопросы о народном хозяйстве стали на первую очередь. Вскоре после крымского поражения пронесся слух об освобождении крепостных; вопрос о *земле* возник сам собой. Вольный станок «Колокола» и пресс «Современника» отвели ему первое место. «Менильмонтанское семейство»³, статьи Добролюбова о Роберте Оуэне, работы Чернышевского, статьи Герцена и Огарева, сама бытовая жизнь народа — всё наводило молодежь на изучение социального вопроса. Умственное движение усилилось и в конце 50-х годов дало уже результаты: являются кружки пропагандистов в Петербурге, в Москве, в Казани. «Земля и воля» — таков смысл их программы. Польское восстание⁴, которому помогали и великорусские революционеры, вызывает в правительстве всю силу злобы: для Польши и для России воротились времена николаевщины в виде муравьевщины⁵. Розга действует рядом со всякими комиссиями, составляющими проекты *реформ*. Без улик, без доказательств преступности Чернышевский сослан на каторгу чуть не накануне рескрипта о мировых и гласных судах. За что же? За то, что смел научной постановкой вопроса об освобождении крестьян явиться защитником общины, защитником бытового строя жизни народа. Не погибла мысль Декабристов, не могла пройти бесследно и работа Чернышевского — движение не остановилось, напротив, — оно заявляет себя все яснее и громче. Ишутинцы пытаются организовать пропаганду в народе; Нечаев хлопочет о сплочении молодежи в партию, подчиненную воле несуществовавшего тайного комитета. Каракозов стреляет в царя. Трусливый, напуганный крупным барством Александр ставит виселицу, а затем продолжает *реформу*.

В Малороссии идет свое движение. Еще в тридцатых годах, под влиянием «Истории Руссов», образовалось там сознание необходимости свергнуть иго царского деспотизма и централизации,

задаввшей волю казацкую и закрепостившей за ненавистными панами так еще недавно вольный народ.

Народное сознание всегда находит себе выразителя. В сороковых годах явился у украинцев великий Кобзарь Шевченко. <...>

Александр-реформатору пришлось уже в 1860 году сослать студентов, принадлежавших к харьковскому кружку, в программу которого входили столько же стремления казацкой воли, сколько и общеевропейской революционной мысли. То были первые политические ссылки в царствование царя-реформатора.

Струсила аристократия, как польская, так и русская, а доктринеры катковские пришли к ней на помощь. Правительство, найдя себе поддержку в помещиках и шпионской литературе, принялось в 1862 г. сослать и «хлопоманов» киевских и полтавских.

В 1863 г. Александр собирался облегчить цензуру и приняться за «народное образование». Его дипломаты старались дискредитировать польское восстание преданиями казацко-польской борьбы, и в то же время правительство запретило печатать на малороссийском языке какие бы то ни было популярные книги, запретило даже и употребление малороссийского языка в школах.

Польша билась в это время с русской армией и силилась выйти из царского острога, на что имела полное право. Грубая муравьевщина задушила восстание, поглотившее много сил, не только польских, но и русских. Умственное движение приостановилось.

* * *

После нескольких лет затишья, молодежь, прислушивавшаяся ко всему совершавшемуся на западе, охваченная мыслью Международного Товарищества Работников⁶, возбужденная к деятельности громадным фактом Парижской Коммуны, с новой энергией принимается за революционное дело. Традиция тайных обществ, политических переворотов, дворцовых революций, захвата власти и диктаторского благодетельствования народа уступает место новому революционному воззрению. Революционная мысль становится конкретною, революционная программа — положительною. Политика, церковь, рабство женщины, рабство ребенка дома и в школе, рабство в мастерской — начинают рассматриваться не как причина отсутствия гражданственности в человеческих обществах, а, напротив, как последствия уста-

новленных буржуазной цивилизацией отношений лица к вещи, как последствия института частной собственности, из которой вытекает эксплуатация человека человеком. Экономический вопрос становится на первый план.

Передовые борцы за волю людскую, люди научной, искренней мысли давно уже ставили вопрос свободы на эту почву положительного исследования. В Англии, во Франции, в Германии, вслед за Фурье, С. Симоном, Оуэном, Марксом, являлись небольшие группы последователей; но новая мысль сделалась общим достоянием передовых масс пролетариата только весьма недавно. Она нашла себе выражение в программе, статутах и организации Международного Товарищества Работников. Политика подчинена экономическому вопросу, политическое освобождение, т. е. освобождение человека как гражданина, стало невысказано без освобождения от патроната. Освобождение пролетариата одной страны обуславливается освобождением пролетариата всех стран. Отсюда необходимость солидаризации действий всех рабочих и международного федеративного союза всех ремесел вне пределов границ каких бы то ни было государств, созданных захватом, грабежом, войной. Нет места национальной ненависти; связанные единством экономических интересов, связанные взаимной зависимостью всех производств, рабочие должны составить одну семью, должны организовать производство и распределение продуктов на началах коллективного владения орудием труда в самом обширном смысле этого выражения. С уничтожением собственности падает политика, церковь и всякое рабство.

Кто же может взяться за такое великое дело, как не сами рабочие? Мысль о благодетелях, о диктаторах, о комитетах, предписывающих движение сверху вниз, отходит в область прошлого вместе со старым понятием о самой революции. Она становится положительной, она делается во имя всестороннего освобождения труда, в каком бы виде он ни являлся. Движение должно совершаться уже самими действующими, должно идти снизу вверх, от частного к общему, от секции к федерации, области секций; от областной к национальной, от национальной к мировой. Как прежде, при традиционном, якобинском, исключительно-национальном, политическом воззрении, народ, работники должны были только слушаться, только исполнять волю вожаков, как они сводились на орудие, так теперь, наоборот, от них самих требуется сознание, воля, знание, дела, инициатива.

В политике, в государстве фикция государственная стирает личность, уничтожает ее. *La raison d'Etat*, как финикийский молох⁸, пожирает своих собственных детей, отнимая у них личность. В положительной организации, в общественной организации труда, каждый работник, каждый член общества становится, напротив, сознательной личностью; не он существует для организации, а организация для него. Нет места привилегии; мысль человеческая, наука, искусство, всестороннее развитие становятся общим достоянием.

Такова революционная мысль, с которой в позднейшее время молодежь наша пошла в народ. Петербургские кружки пропагандистов, московские социалисты издавали множество народных брошюр, рассказов, сказок, в которых царь, поп и помещик являются нераздельной троицей, причиной всех бедствий народных. Последние процессы и речи наших пропагандистов ясно показывают, что они стоят на социально-революционной почве безначальственного интернационализма.

В молодежи автономная и демократическая идеи проявились с новой силой в конце шестидесятых годов; малороссийские революционеры на этот раз более решительно примыкают к общеевропейскому федеративному социализму. <...>

В этом новом движении зародыш будущего народов, скованных железной лапой всероссийского императорства. В нынешней официальной России «всероссийского» ведь только и есть, что царь, солдат, поп, чиновник и помещик, патрон да купец; эти разнovidные факторы власти однородны и можно назвать их не только всероссийскими, но и всемирными. У русского правительства есть русский жандарм, русский шпион, а народа всероссийского нет.

<...> Официальная Россия, раздвинувшая завоевание Ермака до Восточного океана, подчинила и всю северную Азию власти всероссийского станового, а между тем в недалеком будущем интересы восточной Сибири потянут больше к Соединенным Штатам, чем к Петербургу или Одессе.

Москвич, поляк, украинец, сибиряк друг другу не указчики, а товарищи. Теперь они все живут под гегемонией великоруссов и называются русским народом, потому именно, что над ними русский становой; исчезнет становой, и все эти народы будут предоставлены самим себе, а в каких пределах и как они сфедерируются друг с другом, это может показать только практика.

Поставив федерализм, областную и общинную автономию принципом революции, пойдя на трудный путь пропаганды в народ, молодежь наша не могла дать и себе самой централистическую организацию. Покончив с традицией всероссийского благодетельствования не существующего всероссийского народа, агитаторы и пропагандисты последних лет делились на самостоятельные кружки, не подчинялись никакому комитету, не исполняли ничьей чужой, единичной или групповой диктаторской воле. Оно и не удивительно; якобинство, комитетство, диктаторство не подходят к бытовому строю наших народов.

В столице, по близости власти, по большой привычке считать столичный город всем областям указчиком, могут являться комитетские поползновения; но придавать им какое бы то ни было значение нельзя потому, что империя безобразно, до нелепости велика, так что приказ комитета не успеет дойти до иного места, как сам комитет сменят сами же петербуржцы; с другой же стороны — дух областной независимости так силен в разнокалиберном населении, что народы, населяющие Россию, не захотят подчиниться никаким комитетам, заседающим в Петербурге. Из всех комитетов, действовавших до сих пор, более или менее серьезным можно считать только комитет «Земли и воли»; но уже и в то время группа казанских революционеров, выразив желание действовать дружно, наотрез отказалась подчиниться комитету; этому примеру казанцев последует, конечно, и всякая серьезная местная группа.

Отсутствие комитета и всякого приказывания *свыше* налагает на революционные группы не какую-нибудь машинную, а глубоко продуманную и сознannую работу. Вследствие слишком изолированной, обособленной работы кружка, могут являться неудобства, ошибки, промахи. Они и случались. Опыт доказал необходимость более строгого федеративного союза самих действующих в народе групп, необходимость действия более дружного, и революционеры наши дойдут до разумной организации своих сил. Послушание комитету заменится сговором, который вполне возможен, потому что рознь между революционерами-федералистами держится вся только на недоразумениях; скоро они исчезнут, и партия организуется, хотя ей предстоит пережить кризис ожидаемого «завершения реформ». Мы говорим о конституции.

Правительство Николая со всем его кирасирским абсолютизмом пало вместе со стенами Севастополя. С тех пор бесха-

ракетный и трусоватый Александр Николаевич успел и по-либеральничать и посвирепствовать. Двадцать лет сводит он гнев на милость, а больше милость на гнев. Миловал поляков сотнями, а Муравьеву на съедение дал их тысячи; отпустил цензурные поводья, а потом велел книги конфисковать и жечь; освободил крестьян от помещичьих истязаний, а в становой квартире, в волостном правлении розгу на всякий случай все-таки сохранил; реальные школы завел, опять струсил — сдал детей на истязание Толстому. На два гроша либерализма приходится по несколько возов розог; такова характеристика нынешнего царствования.

Многие революционеры шестидесятых годов удовлетворились двумя грошами царственного либерализма. Гласный суд, адвокаты и жалкие земства помирили их с жизнью и поставили на сторону правительства. Либералам стало и в самом деле лучше; ну, а «сиволапый» пусть потерпит: эти удовлетворившиеся когда-то сами принадлежали к «нигилистам», — теперь они готовы сослать их куда угодно. <...>

Логика оказалась на стороне революционеров. С трудом, с гораздо меньшим успехом продолжали они свое дело пропаганды, но продолжали. На суде 193⁹ они ясно заявили, что большой разницы между русским и турецким правительством, между царем и султаном не находят. Царь, как водится, сослал их в каторгу, а сам продолжал закутываться все больше и больше в турецкой войне. Треповский скандал, геройская месть Засулич, странный суд, все это окончательно сбило с толку Александра Николаевича. Гоголевский почтмейстер не знал, «распечатать, или не распечатать»; Александр не знал, как судить Засулич: в качестве *реформатора*, он может судить ее только судом присяжных, как царь — он должен просто сослать ее без всякого суда. Пошел ряд чисто Александровских нелепых противоречий, которые стали понятны даже и либералам. Трепов и гвардейское искоренение болгар; война с Англией и подвиг Веры Засулич; внутреннее разоренье; безденежье и общее недовольство! — Куда деваться? Одно спасенье — «завершить реформы», дать конституцию.

Конституция хорошая обыкновенно берется, но у нас брать ее решительно некому; ее, стало быть, дадут, а потому можно сказать вперед, что серьезной она быть не может; но как отнесутся к ней федералисты-революционеры? как поставят себя? как воспользуются они новым положением?

Между революционерами, быть может, тоже окажутся *удовлетворенные*, окажутся люди, способные войти в компромисс с конституционалистами, несмотря на принципиальную рознь, отделяющую их друг от друга. Исход ясен: или, убедившись личным опытом в бесполезности парламентаризма, они возвратятся к прежней своей программе, или втянутся в политику, в правительственность и безвозвратно пропадут для революции.

Как же действовать?

Всегда и везде действовать против государства и вне государства; действовать всеми средствами, сообразно с условиями области, местности, в которой действуешь. Агитация, пропаганда словом, листок, книга; организация рабочих групп всякого вида, слагающихся для борьбы с патронатом во всех его формах и с властью, всегда и всюду защищающей интересы владельческого меньшинства; личное участие в вызываемых обстоятельствами народных бунтах, стачках — вот средства действия. Отделять их друг от друга, исключать одно из них в пользу другого нет логической возможности; в различной степени, смотря по условиям местности, но всегда и везде они стоят в неразрывной связи друг с другом. Не искать возможности помочь всеми средствами стачке, не воспользоваться ею как средством агитации между менее подготовленными рабочими организациями — непростительно. Объявлять себя пропагандистом и только пропагандистом, когда бунтует целая деревня, волость, уезд, в котором живешь, столько же странно, как, сложа руки, ждать бунта. Бунты каждый день не бывают и искусственным образом не делаются; экономическая сила вещей вызывает их; и ни единому революционеру, при всей искренности его, при всей пламенности его темперамента не дано *производить бунт*. Разины и Пугачевы, Хмельницкие и Палии сильны и велики не потому, что они делают бунты, а тем, что являются способными выразить народную волю именно в тот момент, когда бунт висит в воздухе, когда все силы народа напряжены. В эти моменты смелый поступок, иногда удачно сказанное слово зажигают массы, как искра зажигает порох. Редки эти торжественные дни в жизни задавленного трудом народа, а будни тянутся длинной вереницей годов. Ни один революционер не может, не имеет права сказать, что он хочет и будет принимать участие только в праздниках народной жизни. Надо долго работать для народа и с народом, надо будни переживать с ним; надо, чтобы он узнал нас в эти будни, чтобы он признал нас своими — будет и нам место на празднике.

Знание жизни, знание места, знание экономических условий его и связи их с условиями по крайней мере мест соседних, — возможное всеоружие знания не может повредить революционеру, потому что всегда, везде и во всем знание — сила. Надо приобретать его и распространять между рабочими, потому что они только *сами* могут сделать революцию; за них никто ее не сделает.

Таковы средства действия и такова связь между ними. Самозащита, личный или кружковый отпор власти будут, конечно, вызываемы и конституционным правительством — обыски будут делать и конституционные жандармы. Может ли быть спор о том, что всякая фактическая оппозиция власти сама по себе серьезна, необходима, полезна; но потому именно, что она так естественна, не следует возводить ее в теорию. Великодушная молодежь, жертвующая собой для приготовления социальной революции, всегда должна помнить, что только сам трудящийся народ может сделать ее, и без участия народа, при всей своей основательности, останется действием второстепенным.

* * *

<...> Наше дело — собирать силы отпора переформирующемуся царству. В стенах Петербурга появился социально-революционный журнал «Начало»¹⁰. Он зовет всех на борьбу с врагом, который, надев маску благодетеля, будет по-прежнему эксплуатировать народ.

Привет вам, товарищи! Не выпускайте из рук знамени, на защиту которого соберутся все, умеющие сохранить в себе чистоту революционного бескорыстия и отдадутся делу приготовления великой борьбы народной, которая даст труженику Землю и Волю. — Освободятся народы, стиснутые во всероссийском остроге, сложат вольную федерацию своих общин и вступят в братский союз со всеми рабочими всех стран.

Женева 23 мая 1878.

